

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Общественное сознание – одна из сфер, где перемены, произошедшие за последние два десятилетия, наиболее очевидны: сегодняшнее российское общество разительно отличается от советского, в котором усилия «строителей коммунизма» направлялись одной «единственно верной» идеологией, внедрявшейся усилиями огромного партийно-государственного аппарата. Наличие идеологического плюрализма в постсоветской России не вызывает сомнения. Однако насколько он «эффективен»? Теории демократии рассматривают свободу выражения мнений не только как основное право человека, но и как одно из фундаментальных условий демократического правления. С нормативной точки зрения «качество» политических коммуникаций определяется тем, в какой мере они способствуют достижению гражданами «просвещенного понимания» вопросов, по которым принимаются властные решения (термин Р.Даля [Даль 2003: 166-167]). Конкурирующие политические программы формируют спектр альтернатив, в рамках которого граждане могут делать свой выбор. Таким образом, значение имеет не только возможность высказать те или иные взгляды, но и стремление разных акторов представить более или менее ясные способы понимания и решения общественных проблем, а также возможность донести эти представления до нужной аудитории. Можно ли говорить о развитии в постсоветской России демократической публичной сферы, где артикулируются для широкой публики, оспариваются и отстаиваются альтернативные политические проекты? В какой мере их соперничество влияет на формирование общественного мнения? Современные тенденции едва ли дают основание для оптимистических ответов на эти вопросы. Вместе с тем, векторы развития коммуникативного поля, в котором происходило производство, распространение и взаимодействие политических идей, на протяжении рассматриваемого периода не оставались неизменными.

Переход от монополии официальной идеологии к плюрализму идей и направлений – это существенный аспект постсоветской политической трансформации, который, однако, часто выпадает из поля зрения отечественных и зарубежных транзитологов. Отчасти это объясняется влиянием стереотипов: предполагается, что идейный плюрализм – часть «нормального» демократического порядка, которая обеспечивается свободой слова и печати. Соответственно, развитие инфраструктуры производства и обращения идей не требует специальных усилий, помимо обеспечения вышеуказанных свобод (в частности, независимости СМИ). Однако в большинстве западных стран эта инфраструктура начала складываться в других исторических условиях и опиралась на качественно иное публичное пространство, где существовало специфическое разграничение публичного и частного, где непосредственно-личные коммуникации дополняли печатные СМИ, а круг участников публичной сферы был ограничен сравнительно небольшим числом людей состоятельных, образованных и располагающих досугом¹. Опыт России конца 1980-х – начала 1990-х гг. показывает, что свобода слова, независимость СМИ и формальная многопартийность являются необходимыми, но не достаточными условиями для продвижения к идеалу «эффективного» плюрализма идей, обеспечивающего «просвещенное понимание». По-видимому, изменения в сфере производства и обращения общественно-политических идей нуждаются в самостоятельном изучении и осмыслении.

---

¹ Особенности буржуазной публичной сферы, а также ее роль в становлении демократических порядков описаны в классической работе Ю.Хабермаса [Habermas 1993]; работа опубликована на немецком языке в 1962 г.; английский перевод впервые вышел в свет в 1989 г.). Предложенная в ней нормативная концепция активно используется для критического развития теории демократии (см., напр.: [Calhoun (ed.) 1992; Roberts 2003; Crossley, Roberts (eds.) 2004]). Однако этот корпус работ пока не оказал заметного влияния на транзитологические концепции.

Исследования политических идеологий весьма активно развивались в 1990-х гг., когда многие российские политологи, философы и историки пытались анализировать комплексы идей, складывающихся в разных сегментах российского политического спектра, сопоставляя их с основными идеологическими традициями; причем анализ, как правило, выявлял наличие серьезных объективных и субъективных препятствий для развития тех или иных «измов» [Андреев 1997; Алексеев и др. 1998; Алексеева 2000; Гарбузов 1995; Головин 1998; Гостев 1999; Гросул и др. 2000; Гусев 1999; Дзарасов 1994; Капустин 1994а, 1994б, 1996; Капустин, Клямкин 1994; Кара-Мурза 1994; Карцов 1999; Консерватизм в России 1993; Консерватизм 1995; Консерватизм и либерализм 1996; Либерализм в России 1993; Либеральный консерватизм 2001; Малинова 1998; Новикова, Сиземская 1993; Опыт 1997; Орлов 2000; Прусс 1997; Пустарнаков, Худушина (ред.) 1996; Российские консерваторы 1997; Русский либерализм 1999; Руткевич 1999; Секиринский, Шелохаев 1995; Согрин 1997; Соколов 1997; Соловей 2000; Социалистическое видение 1994; Судьбы либерализма 1994; Филиппова 1993; Холмская 1998; Шелохаев 1996, 1997; Шнирельман 2004 и др.]. В середине 1990-х гг. многие ученые-обществоведы включились в инициированный президентом Б.Н.Ельциным процесс поиска «национальной идеи», призванной сплотить фрагментированное общество. При этом одни авторы, уповая на частичное возрождение прежних методов «идеологической работы», полагали, что искомая система идей должна превратиться в государственную идеологию [Волков 1999; Мигранян, Елыманов 1999; Формирование 2000 и др.], другие же исходили из того, что интегративная идеология, призванная дать «язык символов, ценностей, смыслов, на котором пойдет общероссийский диалог», должна сформироваться благодаря целенаправленным усилиям гражданского общества [Алексеева и др. 1997: 18; Капустин 1996: 63-66]. В дальнейшем развитие пошло преимущественно по первому пути. С приходом к власти В.В.Путина политический пейзаж стал более монотонным, число площадок для политических дискуссий (или даже их имитации) заметно сократилось, а роль «идей» в политическом процессе свелась к легитимации официального курса и сугубо ритуальной демонстрации оппозиции. Неудивительно, что исследовательский интерес к теме современных российских идеологий в последние годы заметно снизился.

В научной литературе трансформация пространства политических идей² описывается чаще всего в двух ракурсах. Во-первых, как производное от эволюции политического режима, которая привела сначала к конфликтному плюрализму элит и целей, а затем – к постепенному исключению независимых политических акторов и расширению «центра», вбирающего в себя разные оттенки мнений. Во-вторых, с точки зрения развития на российской почве тех или иных «измов», причем основное внимание уделяется выявлению причин неудач и формулировке рекомендаций в адрес идеологов. На наш взгляд, эти подходы описывают лишь часть картины, которая заслуживает более системного изучения. Изменения в сфере производства идей – не следствие эволюции режима, а один из существенных ее аспектов. В свою очередь, хотя «системы идей» и имеют некую внутреннюю связность, их успех определяется не столько логической последовательностью и степенью соответствия «опробованным» классическим образцам, сколько релевантностью наличным (всегда уникальным и неповторимым) обстоятельствам и потребностям конкретных политических акторов. Динамику политических идей в постсоветском обществе трудно понять без исследования той среды, в которой эти идеи производятся, распространяются и соперничают друг с другом. А это

² Некоторые авторы вообще подвергают сомнению перспективы развития этого пространства, подчеркивая, что тенденция к вытеснению «идеологии» «политической рекламистикой» проявляется в России еще острее, чем в развитых демократиях; таким образом, роль «идей» в осуществлении политической коммуникации становится менее значимой [Пшизова 2000; Соловьев 2001, 2003]. На наш взгляд, изменения, связанные с новыми тенденциями в развитии символического пространства политики, в действительности не так радикальны, как это представляется в логике сложившихся представлений о функционировании публичной сферы. Тенденция к вытеснению «идеологии» «имиджологией» реальна, но не фатальна [Малинова 2004].

означает необходимость комплексного исследования конфигурации пространства политических идей во взаимосвязи с институциональными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи производят, а также с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращение последних.

Для осуществления такого комплексного анализа нам представляется продуктивным использовать понятие *публичной сферы* как некоего виртуального пространства, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности. Публичная сфера может быть локализована в различных институтах и сочетать разные форматы общения: как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конституируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем. «Размеры» публичной сферы зависят как от меры дозволенного государством, так и от спадов и подъемов интереса к общественным проблемам, которые, как показал А.Хиршман, имеют циклический характер [Hirschman 2002].

В литературе представлены различные подходы к интерпретации публичной сферы³. Водоразделом служит вопрос о том, следует ли выделять ее, ориентируясь на некие функции или же на определенное качество их исполнения. В целом преобладает нормативный подход, опирающийся на концепцию Ю.Хабермаса [Habermas 1993]⁴. В поисках институциональной среды, где частные лица могли бы «использовать собственный разум для решения общественных проблем» (по Канту), современный немецкий философ описал формирование буржуазной публичной сферы в Западной Европе (XVII-XVIII вв.) и ее последующую трансформацию. Не ограничиваясь исторической реконструкцией, Хабермас попытался вычлнить черты нормативной модели публичной сферы, которая соответствует идеалу демократии. Устройство идеальной публичной сферы должно создавать условия для *рационально-критического дискурса* о политических проблемах, решающую роль в котором играют аргументы, а не социальный статус или традиции. Таким образом, концепция Хабермаса, с одной стороны, описывает исторически-особенный тип буржуазной публичной сферы, а с другой – предлагает нормативную модель, которая служит инструментом для критики и совершенствования наличных демократических практик. Работы немецкого философа стимулировали целую серию исследований, анализирующих отношение между социальными институтами, общественными дискурсами и политическим участием [см. Calhoon (ed.) 1992, Roberts 2003, Crossley, Roberts (eds.) 2004 и др.]⁵.

Вместе с тем, возможен и дескриптивный подход к изучению *различных типов* публичных сфер, в том числе – и весьма существенно отличающихся от идеальной модели, описанной Хабермасом. В качестве примера такого подхода можно привести работы Ш.Эйзенштадта и его коллег, использовавших данное понятие для исследований модернизации в незападных обществах [Eisenstadt, Schluchter, Wittrock (eds.) 2001; Hoexter, Eisenstadt, Levtzion (eds.) 2002]. Согласно их концепции, «публичная сфера, хотя

³ В российской научной литературе термин «публичная сфера» имеет не столь широкое хождение. Как показала дискуссия, опубликованная в журнале «Соис», разброс интерпретаций, предлагаемых отечественными социологами, столь велик, что едва ли можно говорить об устоявшихся значениях данного понятия [Красин, Розанова 2000: 85-87].

⁴ Другая классическая концепция публичной сферы, разработанная Х.Арендт, в данном случае менее релевантна, поскольку она ориентирована на прямое взаимодействие индивидов (по образцу греческой агоры). Хабермас же концептуализировал новый тип публики, появляющийся в условиях раннего модерна – публику частных индивидов, обсуждающих общественные проблемы, опираясь на печатные тексты. Публичная сфера здесь мыслится как принципиально внеличностный феномен: в ней не столько осуществляются действия, сколько происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями.

⁵ Нормативный подход к анализу публичной сферы применяется и для осмысления процессов, происходящих в постсоветской России [Засурский 2002; Красин 2005].

и не обязательно напоминающая «гражданское общество», возникает в любой более или менее сложной цивилизации, где есть определенный уровень грамотности. Это – сфера, расположенная *между* частной и официальной, она расширяется и сжимается по мере включения в нее профессиональной страты (*carrièr strata*), не входящей в состав правящего класса» [Eisenstadt et al. (eds.) 2001: 12]. Понятие «публичная сфера» указывает на наличие площадок, где обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес. Предполагается, что такие площадки не только автономны от сферы государственного управления, но и в большей или меньшей степени открыты для разных секторов общества. Как подчеркивают Эйзенштадт и Шлюхтер, «публичные сферы имеют свою собственную динамику, которая хотя и связана с событиями и процессами, происходящими на политической арене, но не совпадает с ними и не определяется динамикой последней» [Eisenstadt et al. (eds.) 2001: 11]. Влиятельность публичной сферы зависит от ее институционального устройства: имеет значение, разнородна она или унифицирована, сосредоточена в центре или открыта для периферии, основана преимущественно на устной или письменной коммуникации, предполагает интерпретацию общего блага перед лицом правящих или в среде частных лиц и т.д.

На наш взгляд, имеет смысл рассматривать эволюцию пространства политических идей в постсоветской России как составную часть более широкого процесса трансформации публичной сферы, что предполагает проведение целой программы серьезных исследований. В настоящей статье мы попытаемся в самом общем виде очертить траекторию развития публичной сферы в России на протяжении последних двадцати лет, выясняя:

- в рамках каких институтов она функционировала,
- каков был примерный состав ее участников,
- чем определялись их цели, нормы и стратегии,
- какие формы коммуникации играли наиболее существенную роль.

В качестве отправной точки следует взять советское общество. На первый взгляд, «публичная сфера в СССР» – оксюморон, сочетание несочетаемого. Вопросы, представляющие общий интерес, безусловно обсуждались; более того, существовала разветвленная система институтов, призванных осуществлять (или имитировать) функцию формирования и выражения общественного мнения. Однако эти институты не были автономны от официальной сферы, а их участники были несвободны в высказывании своих мнений (причем ценой «неудачного» высказывания могли стать работа, свобода и даже жизнь). Формально степень вовлечения в эту *официальную публичную сферу* была весьма велика: подписка на центральные газеты была «добровольно-принудительной», телевидение и радиовещание охватывало практически всю территорию СССР, и, как справедливо пишет В.Шляпентох, «советские люди, пусть и против собственной воли, были основательно погружены в систему массовой информации и каждый день неизбежно получали солидную порцию официальной пропаганды» [Shlapentokh 1989: 104]. Кроме того, значительная часть населения была включена в систему политического просвещения в качестве слушателей или преподавателей: по подсчетам В.Шляпентоха около 12-14 млн. чел. занимались идеологической работой на постоянной основе и еще 8 млн. чел. были вовлечены в нее на общественных началах. В совокупности эти две (частично совпадавшие) категории составляли значительную долю активного населения [Shlapentokh 1989: 106]. Кампании по «всенародному» обсуждению наиболее важных документов, таких, как Конституция 1977 г. или решения съездов партии принимали поистине широкий размах. Однако участники этих кампаний хорошо сознавали, что их задачей является ритуальная артикуляция официально одобренных мнений. Именно поэтому, по оценке Ю.А.Левады, «в условиях показного принудительного «единомыслия» тоталитарного общества существование общественного мнения в современном смысле этого слова было невозможным» [Левада 2000: 15].

И тем не менее, без изучения позднесоветского общества нельзя понять последующее развитие публичной сферы в постсоветской России. Во-первых, в рамках официальной идеологии (безусловно накладывавшей определенные ограничения) существовали разные дискурсы. Как тогда шутили, в СССР нет плюрализма подходов, но есть плюрализм подъездов (намек на разночтения интерпретаций «партийной линии» разными отделами ЦК, размещавшимися в длинном многоподъездном здании на Старой площади). Этот скрытый плюрализм еще ждет серьезного исследования⁶. Во-вторых, институты официальной публичной сферы (общественные организации, СМИ и др.), несмотря на их формальный характер и подконтрольность, в какой-то мере служили каналом обратной связи, пусть и весьма несовершенным [Сунгуров 1998: 24-26, 38-40]. Именно это обстоятельство позволило придать новый импульс деятельности некоторых из этих институтов в годы перестройки. Во-третьих, в послесталинский период, когда государство уже не могло тотально контролировать все общественные сферы, стало формироваться то, что И.Освальд и В.Воронков назвали «публично-приватной сферой», т.е. некое пространство между официальной публичной и собственно приватной сферами, в котором становилось возможным обсуждение тем, выходящих за рамки разрешенных и высказывание взглядов, отличающихся от «предписанных сверху» [Oswald, Voronkov 2004: 97-117, Воронков 2006: 377-383].

Необходимо отметить, что в коммунистических обществах границы публичного и приватного были весьма специфичны: по справедливому замечанию польского социолога Е.Шацки, приватная сфера «включала то, что вытеснялось из публичной сферы в силу монополизации последней одной категорией граждан и подчинения ее идеологическому контролю». Таким образом, составной частью приватной сферы «были ценности, которые подавлялись в публичной жизни, но оставались слишком важными, чтобы люди могли их забыть...» [Szacki 1995:88]. Окончание массовых репрессий и начало интенсивного жилого строительства позволили многим людям открыть вновь обретенное приватное пространство для других, что и привело, по определению Воронкова, к формированию «множества полуприватных пространств», где «могли развиваться коммуникативные структуры, благодаря которым на смену изолированному и законспирированному сопротивлению могло прийти квазипубличное протестное движение» [Воронков 2006: 379-380]. Границы официальной и публично-приватной сфер определялись кардинально разными системами норм поведения. На протяжении своей жизни советские люди учились тщательно разделять, что они могут обсуждать в кругу друзей, что следует говорить в официальной среде, а что вообще нельзя высказывать. Безусловно, «приватно-публичная сфера» была эксклюзивной и крайне фрагментированной: ее участниками могли быть лишь те, кто вызывал доверие. Но, как показывают Освальд и Воронков, были и механизмы преодоления фрагментации – например, культура анекдотов [Oswald, Voronkov 2004: 110]. Позднее идеи, существенно отличавшиеся от официальных, предназначенных для «массового употребления», стали высказываться и вне границ приватного пространства – в частности, на вполне легальных мероприятиях, предназначенных для узкого круга специалистов (сотрудников академических институтов, работников высшего звена системы политического просвещения и др.). Так что помимо «публично-приватной сферы» существовала еще и публичная сфера «для служебного пользования»⁷. Так или иначе, в позднесоветском обществе сложилась целая система институтов, работавших по правилам *неофициальной публичной сферы*: неформальные кружки (в числе которых были и те, в которых зародилось диссидентское движение, и вполне деполитизированные, вроде клубов самодеятельной песни), «кухни», закрытые и полузакрытые семинары, самиздат, радио-«голоса» и многое другое.

⁶ Один из первых шагов в этом направлении – работа Н.Митрохина о русском национализме в СССР, одна из глав которой посвящена влиянию функционеров ЦК на развитие этого движения [Митрохин 2003].

⁷ Начало такой практики в постсталинский период положили закрытые партийные собрания, на которых коммунистов знакомили с текстом обличительного доклада Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г.

С началом перестройки (1985-1991) границы двух публичных сфер – официальной и неофициальной – стали более проницаемыми, что определялось как изменением правил функционирования первой («гласность», попытки внедрения внутрипартийной демократии, реформа политической системы и др.), так и расширением рамок второй (включение неформальных организаций в публичный политический процесс, стирание дискурсивных границ между митингом и «кухней»). Возникли новые «места дислокации» публичной сферы. Ими стали прежде всего средства массовой информации, сначала печатные, а затем и электронные. После вступления в действие закона СССР о СМИ (1 августа 1990 г.) стало возможным появление независимых СМИ. С 1989 г. весьма значимой площадкой артикуляции политических идей и мнений стали Съезды народных депутатов, заседания которых напрямую транслировались радио и телевидением, привлекая внимание широчайшей аудитории. Наконец, появилось множество площадок, предполагавших непосредственно-личный формат общения, от собиравшихся эпизодически собраний и митингов до постоянно действующих политических клубов.

Менялся и круг участников публичной сферы. Помимо официальных лиц, стиль поведения которых под влиянием примера М.С.Горбачева становился более открытым, в этот круг по мере демократизации политической системы отчасти вошли традиционно-советские общественные организации, творческие союзы, «неформальные» (т.е. не санкционированные властями) организации, с 1990 г. – новые политические партии. В формировании перестроечной публичной сферы активно участвовали профессионалы – журналисты, ученые, писатели, кинематографисты, художники и др. – и просто граждане, захваченные волной политической активности.

Цели, стратегии и нормы поведения этих акторов также не оставались неизменными. Если в начале перестройки главной миссией политиков в публичной сфере было разъяснение «линии партии», причем оттенки позиций обозначались лишь пунктиром, то уже к 1990 г. появляется возможность открыто артикулировать *разные* политические программы, которые в условиях демократизации традиционных советских институтов и массового подъема превращались в весомое оружие в борьбе за власть. Появился серьезный стимул для производства политических идей, способных влиять на общественное мнение. Огромную роль в формировании перестроечной публичной сферы сыграли журналисты. Вплоть до распада СССР и начала экономических реформ в России главной преградой деятельности СМИ оставались сугубо политические запреты. По мере их ослабления пресса превращалась во влиятельную «четвертую» власть, которая в условиях неэффективности политической власти и хаоса в экономике обладала действительной независимостью [Засурский 1999: 58]. При этом, по оценке И.И.Засурского, значительная часть журналистского корпуса видела «своей задачей не информирование публики или формирование достоверной картины реальности, но просвещение, агитацию и организацию масс во имя истинных целей и идеалов» [Засурский 1999: 54]. СМИ сыграли решающую роль в распространении новых идеологий, подготовивших последующую политическую и экономическую трансформацию.

Для перестроечной публичной сферы была характерна весьма специфическая конфигурация форм и каналов политической коммуникации. Наблюдался настоящий бум печатного слова, дополнявшийся чрезвычайно интенсивными непосредственно-личными коммуникациями: газеты, журналы, извлеченные «из столов» литературные произведения широко читались и активно обсуждались (позже аналогично обстояло дело с передачами независимого телевидения и радио), что создавало эффект беспрецедентной интеграции аудитории, почти синхронно обсуждавшей постоянно расширявшийся, но все же доступный для освоения корпус текстов. Нельзя не заметить, что столь интенсивная коммуникация была возможна в силу особого стечения обстоятельств, в частности – благодаря сохранению, пусть и в расстроеном виде, советского экономического уклада с гарантированной зарплатой, возможностью в рабочее время украдкой читать дефицитные «перестроечные» тексты, обсуждать их, участвовать в деятельности политических клубов,

ходить на митинги и т.д. Конечно, годы перестройки не были идиллией: в условиях дефицита на самое необходимое повседневная жизнь была полна трудностей. Но, используя выражение А.Хиршмана, в то время разочарование было «лестницей», по которой люди «постепенно взбирались из приватной жизни на публичную арену» [Hirschman 2002: 65-66]. Так или иначе, по крайней мере по одному параметру – по степени интеграции аудитории и интенсивности обращения текстов – перестроечная публичная сфера была чрезвычайно близка к идеалу, обрисованному Хабермасом. С приходом рынка экономические условия резко изменились, и для многих стало недоступной роскошью тратить время на активное участие в общественной жизни. Кроме того, уже первые результаты реформ заставили усомниться в его эффективности.

Перестройка была временем быстрых и существенных перемен в идеологической структуре советского общества. Прежде всего они затронули официальную идеологию. В 1985 г. новый курс, инициированный М.С.Горбачевым, начинался под лозунгом: «Больше социализма!». Первоначально главным словом было «ускорение», со временем его дополнила «гласность» (предполагавшая критику недостатков, затруднявших развитие социализма). В 1987 г. появилось новое слово – «перестройка» (т.е. устранение недостатков социалистического общества), а с ним – новые лозунги: «Назад, к Ленину!» и «Больше демократии!». На этом этапе репертуар официальной идеологии был дополнен такими «буржуазными» понятиями, как «правовое государство», «парламентаризм», «разделение властей», «права человека» и др. Как вспоминает помощник Горбачева А.Грачев, «когда ленинских формул для оправдания тех или иных действий не хватало, Горбачев, не смущаясь, изобретал свои. Главное было – снабдить любое неортодоксальное понятие успокоительным термином «социалистический»... В засахаренной «социалистической» оболочке и общество, и даже ортодоксы в Политбюро и в идеологическом отделе партии готовы были «заглотить» то, из-за чего еще недавно спускали с цепи и своих инструкторов, и Главлит, а в ряде случаев и КГБ...» [Грачев 2001: 148-149]. Таким образом, официальная идеология заметно эволюционировала в сторону демократического социализма. Для пропаганды новых идей по-прежнему использовался огромный идеологический аппарат. Но перемены были столь радикальны и стремительны, что официальные комментарии для системы политического просвещения не поспевали за изменениями публичного дискурса власти, и пропагандистам приходилось полагаться на собственные силы, что само по себе было отступлением от канона. Как справедливо заметила И.Чечель, «идеологическая вертикаль стала полицентричной и в меньшей степени обусловленной распределением социальных ролей [Чечель 2004: 161, сноска].

Изменения в официальной идеологии стимулировали оппозицию со стороны как радикалов, так и консерваторов⁸. Первая воплотилась в расплывчатом, хотя и вполне различимом наборе идей, называемом некоторыми авторами «базовой демократической идеологией» [Голосов 2000: 79-80]. Эти идеи распространяли «перестроечные» издания; позже они легли в основу идеологий вновь созданных «демократами» партий. В основе «базовой демократической идеологии» лежало представление о советской «тоталитарной» системе как отклонении от «нормального» пути развития. Таким образом, ее разрушение рассматривалось как первый шаг к «нормальности». В условиях коллапса экономики и кризиса политической системы эта идеология мало помалу завоевывала умы, становясь если не доминирующей, то весьма влиятельной.

Однако помимо нее были и две другие альтернативы меняющемуся официальному курсу. Первая – ортодоксальный коммунизм. Сторонники этой альтернативы не считали советскую систему «неправильной», а в политике Горбачева видели предательство

⁸ По-видимому, первым проявлением радикальной оппозиции было выступление Б.Н.Ельцина на Октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Консервативная же оппозиция открыто заявила о себе в марте 1988 г., когда в газете «Советская Россия» была опубликована статья Н.Андреевой «Не могу поступиться принципами».

коммунистических идеалов. Этот род оппозиции был представлен и на официальном уровне (в ЦК КПСС его олицетворял Е.Лигачев), и на неформальном (в 1988 г. был создан ряд неформальных коммунистических организаций) [Голосов 2000: 84-85].

Другой альтернативой был национализм (или патриотизм). Эта идеология имела корни и в диссидентском движении, и в литературных кругах (журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник») [Митрохин 2003]. В годы перестройки она не пользовалась большим влиянием: акцент на критику западного опыта делал ее недостаточно оппозиционной по отношению к советской системе, однако уже к середине 1990-х разочарование плодами реформ, инициированных демократами-западниками, создало предпосылки для ее успеха.

Таким образом, главным идеологическим водоразделом периода перестройки была оценка советской системы и ее антипода – западного капитализма. Бурное развитие публичной сферы, в которую оказалась включена весьма широкая и неискушенная в открытых политических дискуссиях публика, способствовало популярности радикально-критических концепций.

С распадом СССР и началом экономических реформ в России публичная сфера вступает в новый этап. Несколько упрощая реальную картину, мы будем рассматривать этот этап как «ельцинский», хотя внутри него можно выделять отдельные подэтапы (наиболее важными вехами были начало чеченской войны и вторая президентская кампания Ельцина). «Места дислокации» публичной сферы остались примерно теми же. Ведущая роль в формировании общественного мнения по-прежнему принадлежала СМИ. Заметной площадкой для артикуляции политических идей стал парламент (структура и положение которого были изменены Конституцией 1993 г.)⁹. Со спадом массовой политической активности публичные пространства, предполагавшие непосредственно-личный формат общения, стали более специализированными, ориентированными на определенные политические организации или профессиональные группы. Традиционные способы общения во второй половине 1990-х гг. дополнил Интернет, который специалисты оценивают как хотя и не массовый, но все более значимый канал политической коммуникации [Песков 2002; Овчинников 2002]. Список основных акторов публичной сферы, состоявший из «официальных лиц» и вообще «публичных политиков», политических партий, журналистов и экспертов, в середине 1990-х гг. пополнили политтехнологи. Вместе с тем, на протяжении ельцинского периода существенно менялись институциональные условия, определяющие правила игры и стратегии субъектов, обеспечивавших производство, распространение и конкуренцию политических идей.

Прежде всего, кардинально изменилась система СМИ. Еще в 1991 г. экономические трудности вызвали рост цен на все издания, а с началом гайдаровских реформ в 1992 г. печать столкнулась с резким удорожанием бумаги, типографских услуг и доставки. Эти новые для бывших советских изданий проблемы совпали по времени с сужением рынка прессы, вызванным распадом СССР. Печатные СМИ оказались вынуждены искать пути к выживанию разными способами: за счет государственных субсидий, частных пожертвований (в 1990-х гг. происходил хотя и неравномерный, но весьма значительный вброс политизированного капитала в прессу), создания коммерческих медиа-холдингов. Так или иначе, с 1992 г. начинается фрагментация аудитории всероссийских изданий, падение их влияния и одновременно – бурное развитие региональных изданий, которые, с одной стороны, оказывались ближе к реальным проблемам своего потребителя (абстрактная политическая риторика уходила в прошлое), с другой – выигрывали конкуренцию за счет более дешевой доставки. Если в 1991 г. всероссийские периодические издания составляли три четверти суммарной подписки, то в 1997 г. та же доля стала принадлежать региональной прессе [Реснянская, Фомичева 1999:

---

⁹ Подробнее о развитии этой площадки в 1989-1993 гг. см. [Бирюков, Сергеев 2004; Шейнис 2005].

14]. Происходила стремительная реорганизация рынка периодики и частичная дезинтеграция прежде единой медиа-системы. По подсчетам Л.Реснянской и И.Фомичевой, в 1980-х гг. аудитория центральной и местной прессы совпадала примерно на четыре пятых, а уже в середине 1990-х гг. этот показатель сократился до 50 % [Реснянская, Фомичева 1999: 58]¹⁰. В 2000 г. совокупная аудитория общенациональных газет, по данным социологических опросов, не превышала 20 % населения [Варганова 2000: 64].

Все это означало радикальное изменение структуры политических коммуникаций: аудитория печатных периодических изданий заметно сократилась и оказалась сильно фрагментированной. После 1992 г. единство российского информационного поля обеспечивалось преимущественно телевидением. Это стало возможным благодаря тому, что Россия получила в наследство от СССР систему радио/телевещания, покрывавшую большую часть территории страны; имело значение и то, что телевидение, в отличие от газет, напрямую не стоит потребителю денег. Столь радикальное вытеснение газет телевидением имело серьезные последствия для публичной сферы: логика аудиовизуальных коммуникаций подчинена особым правилам, она отдает приоритет развлекательности, порой – за счет информативности и обстоятельности обсуждения. Специалисты отмечают постепенную эволюцию постсоветского телевидения именно в этом направлении [Дубин 2000: 31-60] (эта тенденция стала особенно заметной при Путине).

Однако в начале и середине 1990-х телевидение играло весьма значимую роль в распространении политических идей и структурировании идеологического спектра. Будучи главным каналом массовой политической коммуникации, оно стало объектом жесткой борьбы финансовых и политических группировок. По оценкам некоторых исследователей, крупные медиа-холдинги («Мост-Медиа» В.Гусинского, холдинг государственных СМИ, контролировавшийся в конце 1990-х Б.Березовским, группа СМИ, патронировавшихся В.Лужковым) по сути выполняли функции политических партий, артикулируя определенные системы политических идей и культурные парадигмы. По словам И.Засурского, «подлинными партиями были телеканалы. Именно с их помощью разыгрывался *политический спектакль* и выстраивалась иерархия ролей на политической сцене, которая позже, непосредственно перед выборами, воплощалась в брэнды партий и политических движений, за которые предлагалось голосовать избирателям» [Засурский 2002: 98-99].

Трансформация медиа-системы обусловила диверсификацию стратегией журналистов как акторов публичной сферы. Как показывает А.Кустарев, функционирование постсоветских СМИ определяется множеством профессиональных конфликтов, вызванных экономическими, политическими и культурными обстоятельствами [Кустарев 2000: 7-30]. «Золотой век» российских СМИ с присущей ему романтической идеологией просветительской миссии «четвертой власти» остался в прошлом. Политические идеи в СМИ становятся товаром, производство и распространение которого зависит от рыночной конъюнктуры. Тем не менее, вплоть до середины 1990-х гг. СМИ оставались относительно самостоятельными игроками в публичной сфере (пример тому – оппозиция войне в Чечне).

Менялись и мотивы другого производителя идеологий – «политического класса». Сложившийся с принятием конституции 1993 г. порядок формирования органов государственной власти, равно как и распределение компетенции между ними, слабо стимулировали публичную артикуляцию политических идей в качестве средства борьбы за власть. Политические партии – главные «поставщики» альтернативных идеологий – оказались устранены от выработки и реализации политического курса. В силу этого, а также ряда других обстоятельств [Малинова 2001] задачу борьбы за голоса избирателей

¹⁰ Впрочем, развитие региональных публичных сфер – это отдельная тема, требующая самостоятельного исследования.

многим из них оказалось удобнее решать за счет «имиджеологии» и политической «рекламистики». Конечно, среди политических партий есть и такие, политическая идентичность которых более или менее системно опирается на определенный тип идеологии. Прежде всего это КПРФ и некоторые либеральные партии. Однако их электорат относительно узко сегментирован, и на протяжении последних федеральных избирательных циклов они устойчиво теряли свои позиции. Несколько иначе обстоит дело с партиями, развивающими националистические идеологии (ЛДПР, «Родина» и др.). Данный «изм» имеет негативную окраску, поэтому политики не всегда готовы называть себя «националистами» и последовательно представлять соответствующие программы; чаще они прибегают к более респектабельной «патриотической» и державнической риторике, время от времени позволяя себе неполиткорректные отступления. Так или иначе, в 1990-е гг. стало очевидно, что кропотливая работа по продвижению политических программ, развивающих некие идеологически системные подходы, – не самый прямой путь к электоральному успеху, и интерес представителей «политического класса» к деятельности этого рода заметно снизился.

Структура пространства политических идей ельцинского периода (особенно – в 1993-1998 гг.) определялась поляризацией политического спектра: доминирующее место в политических дискуссиях занимали главные оппоненты – «демократы» и «коммунисты». Идеология «демократов» сложилась в процессе развития и диверсификации «базовой демократической идеологии» перестроечной поры. Главными ее выразителями были партии либеральной части спектра (наиболее крупные из них – «Демократический выбор России» (и пришедший ему на смену «Союз правых сил») и «Яблоко» [Малинова 1998]), а также некоторые СМИ, прежде всего – телеканал НТВ и др. издания холдинга «Медиа-Мост». Более или менее систематизированные версии либеральной идеологии распространялись по весьма ограниченным партийным каналам (брошюры, газеты, выходявшие небольшими тиражами и не слишком регулярно, с конца 1990-х гг. – Интернет-сайты). Однако основные ее элементы в более расплывчатой форме воспроизводились и в официальной риторике, и в программах центристских партий и объединений (таких, как «Наш дом – Россия», «Отечество – вся Россия», «Единство» и др.), что делало ее узнаваемой для широкой аудитории. В центре идеологии «демократов» была идея реформ, призванных сделать Россию «нормальной цивилизованной страной» с рыночной экономикой, частной собственностью и демократическими политическими институтами. Программы «демократов» существенно варьировались. Важной «точкой самоопределения» было отношение к курсу реформ, начатому в 1992 г. правительством Е.Гайдара.

Коммунисты позиционировали себя в качестве бескомпромиссных противников «режима национального предательства». Коммунистическая идеология также была представлена в разных версиях [Холмская 1998]. Наиболее успешной (если судить по результатам выборов) оказалась та, что была предложена Коммунистической партии Российской Федерации и ее союзниками по Национально-патриотическому блоку. Эта идеология соединяла традиционную коммунистическую риторику с жесткой критикой либерализма и западничества и некоторыми элементами великорусского имперского национализма. Эти идеи также распространялись преимущественно через партийные каналы (однако численность активных членов коммунистических организаций – существенно больше, чем у либеральных партий). Они в меньшей степени были представлены широкой аудитории через телеканалы, однако нельзя сказать, что последние совсем игнорировали деятельность и идеологию коммунистов: и то, и другое освещалось регулярно (хотя и не вполне нейтрально).

Безусловно, оппозиция «демократов» и «коммунистов» не исчерпывала весь спектр идеологических различий в ельцинской России: было много других проблем, обсуждение которых разделяло общество на политические лагеря. Однако перспективы реформ были

главной темой, и споры «демократов» и «коммунистов» доминировали в публичном пространстве, что снижало внимание к другим «производителям» политических идей.

В целом, главной отличительной чертой публичной сферы ельцинской поры был конфликтный плюрализм: шла острая борьба за общественное мнение, в которой участвовали *разные* акторы, и власть, азартно участвуя в схватке, не проявляла стремления остаться единственным игроком на этом поле (хотя и не стеснялась использовать ресурсы давления – в этом смысле игра отнюдь не была равной).

Векторы развития публичной сферы заметно изменились с приходом к власти президента В.В.Путина. Формально «места дислокации» публичной сферы и основные акторы остались те же, однако изменилось распределение ролей. Новый режим проявляет настойчивое стремление к установлению «моноцентризма» (термин А.Ю.Зудина), т.е. к исключению или маргинализации игроков, которых не получается контролировать. В результате политических реформ, инициированных Путиным, сократилось число площадок, на которых могут публично обсуждаться и оспариваться альтернативные политические проекты; некоторые из таких площадок приобрели сугубо демонстрационный характер. Меняется и идеологический ландшафт: доминирующую роль в нем играет устойчиво расширяющийся «центр», претендующий на «синтетическую» идеологию, которая вбирает в себя множество разных позиций, не проводя между ними границ. В последние годы идеологическая активность новой партии власти – «Единой России» заметно усилилась, в том числе – наметились признаки «внутрипартийной» дискуссии. Вместе с тем, власть, по крайней мере, на словах, демонстрирует приверженность плюрализму, пытается сверху стимулировать развитие политических партий, создавать дополнительные институты для репрезентации (или имитации) общественного мнения (недавний проект такого рода – Общественная палата). Плюрализм в публичной сфере не запрещается, альтернативные дискурсы скорее вытесняются на периферию (в частности, ограничивается их присутствие на центральных телеканалах), происходит дальнейшая фрагментация аудитории. Наряду с «главной» публичной сферой, которая все больше становится официальной¹¹, возникает множество *других*, маргинальных, которые объединяют публики единомышленников, не обладая при этом доступом к основным каналам трансляции мнений.

Предложенная нами картина – всего лишь набросок, позволяющий оценить общие тенденции трансформации публичной сферы в постсоветской России. Однако даже этот эскиз позволяет сделать вывод о том, сколь непростым является движение от непризнанного дуализма официальной и неофициальной публичной сферы в СССР к формированию перестроечной публичной сферы, а затем – через конфликтный плюрализм 1990-х к нынешнему состоянию, с доминированием мягкого варианта официальной идеологии и вытеснением плюрализма в маргинальные зоны. На наш взгляд, динамика производства, распространения и конкуренции политических идей в постсоветской России имела свои собственные закономерности, изучение которых позволяет лучше понимать не только эволюцию политической системы в целом, но и перспективы ее дальнейшего развития.

Алексеев С.В., Калыманов В.А., Черненко А.Г. 1998. *Идеологические ориентиры России*. В 2 тт. М.

Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. 1997. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы). – *Полис*, № 3.

Алексеева Т.А. 2000. Либерализм как политическая идеология. – *Полития*, № 1(15).

¹¹ Хотя отсутствие доктринальной идеологии существенно отличает эту официальную публичную сферу от ее советского аналога, в ней также действуют негласные правила, ограничивающие высказывания. Примечательно, что запреты не артикулируются впрямую, скорее – добровольно принимаются ведущими игроками.

- Андреев А. 1997. *Политический спектр России. Структура, идеологии, основные субъекты*. М.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 2004. *Становление институтов представительной власти в современной России*. – М.
- Варганова Е. 2000. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // *Pro et contra*, № 4.
- Волков Ю.Г. 1999. Идеология в жизни современного российского общества. – *Социально-гуманитарные знания*, № 6.
- Воронков В. 2006. Аналитическое обозрение // Алексеева Л.М., Голдберг П. *Поколение оттепели*. – М.
- Гарбузов В.Н. 1995. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор). – *Полис*, № 4.
- Головин В. 1998. Социал-демократия в развитых странах и в России (социально-экономические аспекты). – *Социал-демократия в Европе на пороге XXI века*. М.
- Голосов Г. 2000. Происхождение современных российских политических партий, 1987-1993 // *Первый электоральный цикл в России (1993-1996)*. М.
- Гостев С.Л. 1999. Общественно-политические организации радикально-националистического толка: их электорат и роль в современном политическом процессе. – *Вестник Московского университета*. Сер. 12, № 2.
- Гросул В.Я. и др. 2000. *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика*. М.
- Гусев В.А. 1999. Становление третьей волны русского консерватизма (начало 1990-х годов). – *Вестник Московского университета*. Сер. 12, № 6.
- Дзарасов С.С. 1994. *Российский путь: либерализм или социал-демократизм*. – М.
- Грачев А. 2001. Горбачев. – М.
- Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. – М.
- Дубин Б. 2000. От инициативных групп к анонимным медиа: массовые коммуникации в российском обществе // *Pro et contra*. – Т. 5, № 4.
- Засурский И. 1999. Масс-медиа второй республики. – М.
- Засурский И. 2002. СМИ и власть. Россия девяностых // *Средства массовой информации постсоветской России*. – М.
- Засурский Я.Н. 2002. Журналистика и общество: балансируя между государством, бизнесом и общественной сферой // *Средства массовой информации постсоветской России*. – М.
- Капустин Б.Г. 1994а. Либеральное сознание в России. – *Общественные науки и современность*, № 3, 4.
- Капустин Б.Г. 1994б. Начало российского либерализма как проблема политической философии. – *Полис*, № 5.
- Капустин Б.Г., Клямкин И.М. 1994. Либеральные ценности в сознании россиян. – *Полис*, № 1, 2.
- Капустин Б.Г. 1996. Идеологии современной России: поиск модальности сопряжения. – *Этика успеха*. Вып. 7. Тюмень - Москва.
- Кара-Мурза А.А. 1994. Либерализм против хаоса. (Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России). – *Полис*, № 3.
- Карцов А.С. 1999. *Правовая идеология русского консерватизма*. М.
- Консерватизм в России. «Круглый стол». 1993. – *Социологические исследования*, № 1.
- Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола»). 1995. – *Полис*, № 4.
- Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы: К 125-летию со дня рождения П.Б.Струве*. 1996. Пермь.
- Красин Ю.А., Розанова Ю.М. 2000. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России. – *Социс*, № 10.

- Красин Ю.А. 2005. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. – *Публичная политика в России*. М.
- Кустарев А. 2000. Конкуренция и конфликт в журналистике // *Pro et contra*, № 4.
- Левада Ю.А. 2000. *От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000*. М.
- Либерализм в России*. 1993. М.
- Либеральный консерватизм: история и современность*. 2001. М.
- Малинова О.Ю. 1998. *Либерализм в политическом спектре России. (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»)*. М.
- Малинова О.Ю. 2001. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? – *Полис*, № 5.
- Малинова О.Ю. 2004. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии». – *Полис*, № 4.
- Мигранян А.М., Елыманов А.Ф., Соловей В.Д. 1999. Опыты государственной идеологии в современной России. *Россия: поиск пути*. М.
- Митрохин Н. 2003. *Русская партия: движение русских националистов в СССР 1953-1985 годы*. М.
- Новикова Л., Сиземская И. 1993. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России. – *Свободная мысль*, № 15.
- Овчинников Б.В. 2002. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета – *Полис*, № 1.
- Опыт русского либерализма*. 1997. М.
- Орлов Б.С. 2000. *Социал-демократия как объект научных исследований в России*. М.
- Песков Д.Н. 2002. Интернет в российской политике: утопия и реальность. – *Полис*. – № 1.
- Прусс И.В. 1997. Рывок в будущее или движение по кругу? (Экономические взгляды современных русских националистов). – *Полис*, № 3.
- Пустарнаков В.Ф., Худушина И.Ф. (ред.) 1996. *Либерализм в России*. М.
- Пшизова С.Н. 2000. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе. – *Полис*, № 2, 3.
- Российские консерваторы*. 1997. М.
- Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*. 1999. М.
- Руткевич А. 1999. *Что такое консерватизм?* – М.
- Реснянская Л., Фомичева И. 1999. Газета для всей России. – М.: ИКАР.
- Секиринский С.С., Шелохаев В.В. 1995. *Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX - начало XX века)*. М.
- Согрин В.В. 1997. Либерализм в России: перипетии и перспективы. – *Общественные науки и современность*, № 1.
- Соколов Э.Г. 1997. У истоков российского консерватизма. – *Полис*, № 3.
- Соловей В.Д. 2000. Национал-радикализм. – *Политические партии России: история и современность*. М.
- Соловьев А.И. 2001. Политическая идеология: логика исторической эволюции. *Полис*, № 2.
- Соловьев А.И. 2003а. Идеология и культура: политические оппоненты современной эпохи. – *Политическая наука*, № 4.
- Соловьев А.И. 2004. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии». – *Полис*, № 4.
- Социалистическое видение современности, или современное видение социализма (обзор симпозиума). 1994. – *Полис*, № 5.
- Судьбы либерализма в России. Материалы «круглого стола». 1994. – *Полис*, № 1, 2.
- Сунгуров А.Ю. 1998. Функции политической системы: от застоя к перестройке. – СПб.: Приложение к журналу «Северная Пальмира».

- Филиппова Т.А. 1993. Мудрость без рефлексии. Консерваторы в политической жизни России. – *Кентавр*, № 6.
- Формирование новой российской идеологии. Материалы круглого стола. 2000. – *Свободная мысль*, № 3,4.
- Холмская М.Р. 1998. *Коммунисты России: факты, идеи, тенденции*. М.
- Чечель И. 2004. Исследование современной интеллектуальной истории: советское общественное сознание 1985-1991 // Горбачевские чтения: Становление демократии в современной России: От Горбачева до Путина: Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей. – М.: Горбачев-Фонд.
- Шелохаев В.В. 1996. *Либеральная модель переустройства России*. М.
- Шелохаев В.В. 1997. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. – *Вопросы истории*, № 4.
- Шейнис В.Л. 2005. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985-1993). – В 2 тт. – М.: Московский Центр Карнеги, Фонд ИНДЕМ.
- Шнирельман В.А. 2004. *Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологии современной России*. М.
- Calhoon C. (ed.). 1992. *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, Mass.
- Crossley N., Roberts J.M. (eds.). 2004. *After Habermas: New Perspectives on the Public Sphere*. Oxford.
- Dean K. 1997. Introduction: Politics and the Ends of Identity. – Dean K. (ed.) *Politics and the Ends of Identity*. – Aldershot.
- Downey J, Fenton N. 2003. New Media, Counter Publicity and the Public Sphere. – *New Media & Society*, vol. 5, № 2.
- Eisenstadt S.N., Schluchter W., Wittrock B. (eds.). 2001. *Public Spheres & Collective Identities*. New Brunswick.
- Habermas J. 1993. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass.
- Hirschman A.O. 2002. *Shifting Involvements. Private Interest and Public Action*. Princeton. (first published in 1982).
- Hoexter M., Eisenstadt S.N., Levtzion N. (eds.). 2002. *The Public Sphere in Muslim Societies*. – Albany.
- Oswald I., Voronkov V. 2004. The 'public-private' sphere in Soviet and post-Soviet society. Perception and dynamic of 'public' and 'private' in contemporary Russia. – *European Societies*, vol. 6, № 1.
- Roberts J.M. 2003. *The Aesthetics of Free Speech: Rethinking the Public Sphere*. Houndmills.
- Shlapentokh V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York, Oxford.
- Szacki J. 1995. *Liberalism after Communism*. Budapest.